

туру которого входят также «Беларуськалий» и «Гродно-Азот», является крупнейшим налогоплательщиком Беларуси и обеспечивает до 10 % налоговых поступлений в бюджет. Это говорит о том, что зависимость экономики Беларуси от добывающей промышленности возрастает, следовательно, вполне возможно развитие «голландского синдрома».

Коронакризис 2020–2021 гг. показал уязвимость белорусской экономики перед внешними сырьевыми рынками, когда снизилась мировая цена на нефть, существенно сократились цены на калийные удобрения. В то же время сфера услуг показала высокую степень гибкости и адаптивности, в результате чего она пострадала в меньшей степени.

В Нидерландах «голландский синдром» закончился в 1970-х гг. вместе с истощением принадлежащих стране месторождений. Однако если запасы природного сырья велики, то для нейтрализации «голландского синдрома» обычно используют два инструмента. Первый — это диверсификация экономики за счет принудительного реинвестирования природной ренты в другие отрасли экономики. По этому пути пошли Тайланд, ОАЭ, Индонезия, Малайзия. Другой способ — это нейтрализация внутреннего спроса за счет формирования фондов национального благосостояния или фондов «будущих поколений». По этому пути пошла Норвегия.

Очевидно, что для Беларуси, с не самым высоким уровнем доходов и производительности труда, наиболее перспективна первая модель нейтрализации «голландского синдрома», возможно с постепенным переходом ко второй по мере роста производительности.

Источники

1. *Гильфасон, Т.* Природа, энергия и экономический рост / Т. Гильфасон // Экон. журн. ВШЭ. — 2001. — № 4. — С. 459–484.

2. Экспорт важнейших видов продукции [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: https://belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Export_vne_SNG20g.xlsx. — Дата доступа: 16.03.2021.

<http://edoc.bseu.by>

*Н. Н. Жилинская, канд. экон. наук, доцент
zh-nata2005@yandex.ru
БГУИР (Минск)*

*Г. М. Корженевская, канд. экон. наук, доцент
galakorj@mail.ru
БГЭУ (Минск)*

ФОРМИРОВАНИЕ «ЭКОНОМИКИ СТРАХА» КАК СЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Глобализация является одним из важнейших факторов, необратимо влияющих на все сферы деятельности социума. В результате формируется единое пространство: культурное, информационное, правовое и экономическое. В таких условиях развиваются системные риски — риски наступления и распространения события, которое негативно влияет на большое число звеньев системы, где под системой следует понимать весь мир. Принимая характер глобальных, риски вызывают труднопрогнозируемые последствия.

В условиях глобальных угроз экономическое поведение людей существенно меняется. Одним из сильнейших мотивов поведения помимо стремления к прибыли и благосостоянию является страх. Страх обычно не рассматривается экономической теорией в силу противоречия с самим предметом исследования. Экономическое поведение — поведение рациональное, предполагающее возможность расчета доходов и издержек. Напротив,

страх — иррациональное чувство, вызывающее стремление избежать реального или воображаемого неблагоприятного события любыми средствами, не считаясь с затратами.

Понятие «экономика страха» введено в оборот главным экономистом UBS Global Wealth Management П. Донованом. Формирование «экономики страха», по мнению экономиста, есть следствие глобального риска, связанного с пандемией коронавируса COVID-19. Первая глобальная информационная паника повлияла на стереотипы поведения людей и бизнеса, изменив предложение и спрос в глобальной экономике.

По данным Всемирного банка, в результате пандемии мировой ВВП в 2020 г. сократился на 4,3 %, в том числе в странах с развитой экономикой это сокращение составило 5,4 %, в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком — 2,6 %. Наиболее уязвимыми оказались отрасли, предполагающие непосредственное взаимодействие людей, то есть услуги. Наиболее развитые страны, в экономике которых велика доля сферы услуг, столкнулись с серьезными потерями. Так, в Великобритании доля услуг составляет 71,3 %, а снижение ВВП — 20,4 %, во Франции — 70,2 % и 13,8 %; в Италии — 66,3 % и 12,8 %; в Германии — 62,4 % и 9,7 %; в России — 54 % и 8,9 % соответственно. Наибольшие потери в результате карантинных мер понесли такие отрасли сферы услуг, как туризм и транспорт. В ведущих экономиках мира доля этих отраслей составляет от 7 до 14 % ВВП. Например, в Японии доля этих отраслей в ВВП — 7 %, США — 8,6 %, Великобритании — 9 %, Германии — 9,1 %, Китае — 11,3 %, Италии — 13 %, Испании — 14,3 % [1].

Подобные трансформации в глобальном производстве товаров и услуг свидетельствуют о нарушениях в глобальных цепочках поставок. В этих условиях бизнес стал минимизировать риски их нарушения, переводя часть бизнес-процессов в онлайн-режим и создавая запасы. Часть мировой экономики уже продемонстрировала способность работать удаленно. Люди, которые работали онлайн, готовы перейти на данную форму труда в постоянном режиме. Для компаний удаленная форма работы показала свою эффективность, снизив затраты на офисную недвижимость, транспорт и технологии. Можно ожидать, что перевод сотрудников на удаленный режим работы станет долгосрочным трендом, а локализация и децентрализация производства придут на смену глобализации, вызвав рост внутренних инвестиций.

Потребность в безопасности вызвала ажиотажный спрос на продовольственные товары долгого хранения, который сопровождался ростом цен. Так, формирование «экономики страха» изменило структуру мирового спроса: резко возросло потребление товаров Гиффена, товаров «низшего» качества. Данный эффект свидетельствует о наличии чрезвычайной экономической ситуации и высокой доли бедного населения.

Что касается форм товародвижения, пандемия коронавируса стала катализатором развития онлайн-торговли. Так, маркетплейсы и интернет-магазины испытали во втором квартале 2020 г. беспрецедентный рост трафика, он был даже выше пиковых посещений в дни распродаж. В июне 2020 г. онлайн-магазины по всему миру имели почти 22 млрд посещений по сравнению с 16,07 млрд посещений в январе того же года. Выиграли те компании, которые на начало пандемии уже имели выстроенную цифровую инфраструктуру [3]. Влияние на спрос той или иной компании зависит от того, чем она торгует. Люксовые бренды страдают. Такие товары покупают лично. Поход в лакшери-магазин — это часть удовольствия от покупки. Но для базовых товаров переход к онлайн-покупкам становится долгосрочным трендом.

Источники

1. Перспективы мировой экономики. Обзор [Электронный ресурс] // Всемирный банк. — Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>. — Дата доступа: 18.03.2021.
2. Пандемия Covid-19 на 5 лет ускорила рост глобального рынка e-commerce [Электронный ресурс] // belretail. — Режим доступа: <https://belretail.by/article/pandemiya-covid-na-let-uskorila-rost-globalnogo-ryinka-e-commerce>. — Дата доступа: 16.03.2021.